политики, направленной на реформирование и модернизацию. В целом тексты посланий Б. Ельцина пронизаны убежденностью в том, что мировое сообщество счастливо, что Россия вступила на путь демократических преобразований. Тексты посланий этого времени представляют собой не столько детальную программу действий президента и его окружения, сколько теорию, философию и идеологию государственной политики.

Характерной особенностью посланий Б. Ельцина является то, что они выстроены достаточно эмоционально. В их основе лежат теоретические принципы, наработанные западной политической наукой. Ельцинский официальный дискурс нередко определяется как гладкий, красивый, полный сугубо либерально-демократических деклараций. В посланиях ельцинского периода хорошо прочитывается стремление способствовать становлению и формированию новой демократической России. Даже в условиях жесткого экономического кризиса 1998 г., когда в официальном дискурсе Б. Ельцина тематически доминирует эта тема, президент по-прежнему подчеркивает важность демократических институтов для будущего России – сохранение института выборов, независимых средств массовой информации и местного самоуправления. Послания В. Путина, напротив, обретают инструментальный и функциональный характер. В целом тексты полны информационных поводов, политических инициатив. Либерально-демократическая риторика меняется на волевую. Тексты посланий конкретны, как и политика главы государства в этот период. На смену вопросам демократизации приходят вопросы централизации, «собирания властей», укрепления и вертикализации государственной власти.

Отличительная особенность официального дискурса Д. Медведева – изобилие разнообразных выразительных средств и своеобразный характер построения текста, главный принцип которого «тезис–антитезис». Результатом является сочетание либеральной и силовой тенденций, утверждений и опровержений одновременно. На повестку дня выходит модернизация всех сфер общественной жизни, а также необходимость политики инновационного прорыва и лидерства.

Литература

1. *Колесников А.* Спичрайтеры: Хроника профессии сочинявшей и изменявшей мир. М.: Изд-во «АСТ», «АСТ Москва», «Хранитель», 2007. С. 243.
2. Ежегодные послания Президента РФ Федеральному Собранию 1994-2005 гг. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2006.
3. *Медведев Д.А.* Послание ФС РФ. 12 ноября 2009 г. URL: http:www.rg.ru
4. *Путин В.В.* Послание Президента РФ Федеральному Собранию, 2000 г. // Вся политика. М.: Европа, 2006.
5. Послание Президента РФ В. Путина ФС РФ, 26 мая 2004 г. // Избранные речи и выступления. М.: Книжный мир, 2008. С. 236.
6. Послание Президента РФ В. Путина ФС РФ, 2005 г. // Вся политика. М.: Европа, 2006.
7. Послание Президента РФ В. Путина ФС РФ, 10 мая 2006 г. // Избранные речи и выступления. М.: Книжный мир, 2008.
8. Послание Президента РФ В. Путина ФС РФ. 26 апреля 2007 г. // Избранные речи и выступления. М.: Книжный мир, 2008.
9. *Медведев Д.А.* Послание ФС РФ. 5 ноября 2008 г. URL: http:www.rg.ru/
10. *Медведев Д.А.* Послание ФС РФ. 30 ноября 2010 г. URL: http://kremlin.ru/.
11. *Медведев Д.А.* Послание ФС РФ. 22 декабря 2011 г. // http://kremlin.ru/

Екатерина БАРИНОВА

«Мозговые центры» в современной политической аналитике

Развитие политической системы требует от принимающих решения лиц ответа на новые вопросы, связанные с постоянным усложнением политического пространства и возникающих в нем проблем. Появление в системе новых вызовов генерирует потребность в специальных знаниях, необходимых для управления ситуацией и разрешения конфликтов. Ответом на такой запрос стало возникновение и стремительное развитие «мозговых центров». Однако их роль в современном политическом дискурсе недостаточно осмыслена.

Как правило, «мозговой центр» – независимая некоммерческая организация, которая проводит политически ориентированные исследования, вырабатывает аналитику и рекомендации, дающие возможность политикам и представителям общественности принимать взвешенные решения в области внутренней и внешней политики.

Особенность «мозговых центров» по сравнению с другими исследовательскими институтами состоит прежде всего в практической направленности исследований, ориентации на выработку конкретных рекомендаций. Это принципиально отличает их деятельность от академических исследований, для которых главной целью является производство знаний [1]. В идеале «мозговые центры» служат мостом между академическим сообществом и

Екатерина БАРИНОВА – аспирантка кафедры информационного обеспечения внешней политики факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова

политиками, они действуют в общественных интересах в качестве независимого посредника, который переводит прикладные и фундаментальные исследования в понятную и доступную форму [2].

Сегодня «мозговые центры» – это влиятельные политические акторы современного демократического политического процесса наряду с такими институтами гражданского общества, как общественные организации и движения, группы интересов, профсоюзы, бизнес и т. п. Значительный ресурс влияния «мозговых центров» на политический процесс заложен в возможности выступать в публичном политическом пространстве, во-первых, от имени экспертного сообщества, науки, интеллигенции и т. п., а во-вторых, от имени какой-либо социальной группы или гражданского общества в целом [3].

Независимость «мозгового центра» далеко не всегда служит определяющим параметром деятельности: он может создаваться при каком-либо университете, быть связан с конкретной политической партией, правительством, группой интересов или корпорацией. Значение этого параметра сильно варьируется в зависимости от политической системы и культуры страны, в которой работает организация. Например, «мозговые центры», созданные в межвоенный период в Великобритании, всячески стремились обеспечить финансовую и партийную независимость, в отличие от появившихся на британском интеллектуальном рынке в середине 1990-х г. более мелких организаций, которые, напротив, тесно сотрудничали с британскими политическими партиями, а часто и создавались при участии партийных лидеров.

Степень независимости исследований, проводимых «мозговыми центрами», напрямую зависит от источников финансирования. Лишь в незначительной мере их доход основан на публикации результатов собственной интеллектуальной работы и членских взносах, основную часть составляют внешние источники. Выделяют три модели финансирования: американская, европейская и модель финансирования «мозговых центров» в развивающихся странах. Американская модель характеризуется сильной диверсификацией источников финансирования при большой роли частных пожертвований и фондов. Европейская – в большей степени основана на деньгах политических партий, правительств и корпораций, тогда как модель финансирования «мозговых центров» в развивающихся странах зиждется в основном на пожертвованиях международных фондов и поддержке государства [4].

Для обеспечения политической независимости в состав организаций вводятся представители всех наиболее влиятельных сил, представленных на национальной политической арене. Кроме того, в число сотрудников центров нередко входят бывшие чиновники достаточно высокого ранга, включая министров, глав центральных банков и т. п. [5]. В свою очередь, привлечение сотрудников аналитических центров на работу во властные структуры – обычная практика, особенно характерная для США, где «мозговой центр» является «вращающейся дверью», обеспечивая ротацию кадров между государственными структурами и экспертным сообществом. Поэтому «мозговые центры» часто называют «правительством в ожидании» [2].

Англо-саксонская политическая традиция, в рамках которой зародились «мозговые центры», предполагает, что поиск пути развития и выбор политического курса должны основываться на консенсусе в обществе. Соответственно, все наиболее значимые проблемы должны обсуждаться в публичном политическом дискурсе. Публичная политика как таковая является сферой концентрации политического дискурса, а «мозговые центры» организуют политический дискурс, выявляя эти проблемы и предлагая возможные пути их решения.

Поскольку дискурс представляет собой мощный ресурс, при помощи которого социальные субъекты позиционируют себя в политическом пространстве, политический дискурс в узком смысле, понимаемый как язык власти, отражает интенцию власти к доминированию. В нем реализуется ее способность навязывать свое мировоззрение и интерпретацию картины мира, дозировать информацию, манипулировать ею. Политический дискурс в широком смысле – дискурс о политике, публичный политический дискурс – осуществляется всеми заинтересованными субъектами коммуникации, включая представителей общества, СМИ, экспертов и политиков.

Исходя из понимания политики как борьбы за власть, стремления к ее получению, сохранению, поддержанию и легитимации, можно сделать ряд выводов о некоторых особенностях политического дискурса. Так, для авторитарных политических систем политический дискурс выступает в качестве языка власти, т. е. инструмента воспроизводства и легитимации существующего порядка вещей. Подобная система представляется линейной и однонаправленной, когда политическая коммуникация строится в рамках отношения отправитель–адресат, обеспечивая необходимый уровень конформизма в обществе.

Для демократических политических систем путем к легитимации является обеспечение общественной поддержки и одобрения на основе широкого общественного обсуждения. Соответственно, структура политического дискурса здесь несколько сложнее, так как предполагает наличие обратной связи между властью и обществом и функционирование системы вызов–ответ, ориентированной на достижение консенсуса. В таком политическом дискурсе «мозговые центры» играют роль фильтра, который, пропуская через себя все значимые тенденции и запросы общества, определяет наиболее актуальные и серьезные вызовы, а также предлагает возможные эффективные ответы и компромиссные решения на основе синтеза научных подходов и исследований общественных настроений и доводит их до власти. Тем самым «мозговые центры» помогают организации конструктивной коммуникации между обществом и властью, способствуя достижению компромиссной легитимации последней.

Говоря о влиянии «мозговых центров» на существующие дискурсивные практики, нельзя не коснуться вопроса о влиянии «мозговых центров» на политический дискурс и наоборот, а скорее даже о диалектичной взаимосвязи дискурса и социокультурной реальности, когда дискурс формирует социальные и культурные практики и сам образуется ими.

Эксперты «мозговых центров» являются частью и воплощением существующих социокультурных практик, носителями определенного культурного кода, встроены в установленную систему коммуникаций и не могут не попасть под воздействие доминирующих дискурсивных практик. Они выступают не только их носителями, но и ретрансляторами. Однако сам род деятельности эксперта предполагает критическое отношение к действительности, стремление к ее анализу и переосмысле-

нию. Исследуя и анализируя различные аспекты публичной политики, эксперт привносит в существующий дискурс собственные интерпретации, подходы и акценты, которые посредством СМИ внедряются в доминирующие (массовые) дискурсивные практики. Экспертное сообщество ввиду специфики своей деятельности в меньшей степени подвержено воздействию существующих дискурсивных практик и в большей степени влияет на их формирование.

Современная идеальная конструкция демократического государства предполагает наличие множества проанализированных экспертами альтернатив политических решений, выбор которых делается с учетом консолидированного общественного отношения к текущей ситуации, происходящим событиям, перспективам [6]. То есть наличие эффективного с точки зрения реализации своих системных задач экспертного сообщества является залогом успешного функционирования публичной политики.

Публичная политика создается в результате перехода от политики персональной ответственности лидеров к непосредственному участию в политике граждан и структур гражданского общества, где ответственность берет на себя его политически активная часть. При этом предполагается, что система принятия решений приоткрывает доступ влиянию не только со стороны лоббистов, но и граждан, а главное, со стороны экспертного знания, прежде всего в лице «мозговых центров». Тем более что любые экспертные оценки ситуации или рекомендация являются каналами влияния на процесс принятия решений [7].

Сама по себе публичность как необходимое условие осуществления полноценной политической коммуникации предполагает доступность для каждого. Если доступность понимается в категориях возможности получения информации, то в некоторой степени мы можем говорить об осуществлении публичного политического дискурса даже в авторитарных системах, так как залогом эффективности реализации доминирующего дискурса является его массовость. Однако, если мы понимаем публичность в категориях участия, а публичную сферу определяем как некое символическое пространство, в котором действует принцип равных возможностей, куда выносится обсуждение общественно важных проблем, где формируется общественное мнение и где оно имеет рычаги влияния на политический процесс, то в этом смысле публичная сфера является гарантией общественного контроля, поскольку фактор публичности редуцирует возможность насаждения определенных подходов и решений в интересах конкретных групп. В таком случае речь об осуществлении публичного политического дискурса может идти только в рамках демократических политических систем.

Основным механизмом трансляции политического дискурса в публичную сферу служат средства массовой информации. В условиях информационного общества публичность приобретает особое значение, поскольку распространение массовых коммуникаций приводит к вовлечению в дискурс широких слоев общества и, как следствие, значительно разнообразит его содержание и стимулирует коммуникацию между политическими субъектами.

Все современные политические системы, вне зависимости от степени их закрытости или открытости, существуют в информационной среде и вынуждены позиционировать себя в информационном пространстве. Но формы участия экспертов в политическом дискурсе в СМИ обусловлены характером политической системы.

Так, в открытой политической системе СМИ являются медиатором, который не только обеспечивает информирование граждан, но и при участии экспертов ведущих «мозговых центров» влияет на формирование повестки дня.

Легитимация сама по себе, как и широкий общественный диалог и достижение полноценного консенсуса, невозможны без широкого охвата аудитории. В этом плане СМИ в любой политической системе являются необходимым посредником между властью и обществом, который способствует утверждению и закреплению определенного дискурса. В случае с авторитарными политическими системами СМИ выполняют функцию официального рупора, транслирующего доминирующий политический дискурс в массы.

В демократических политических системах при условии достаточного развития гражданского общества, основных прав и свобод СМИ являются площадкой, на которой доводятся до сведения общественности основные доминанты властного дискурса, а также озвучиваются запросы гражданского общества относительно основных социально-экономических проблем. Ввиду специфики своей деятельности «мозговые центры» ориентированы на активное распространение и реализацию своих идей и подходов в обществе, сотрудничество со средствами массовой информации становится критическим для успеха их деятельности. Поэтому СМИ выступают необходимым «усилителем» для «мозговых центров», повышая тем самым эффективность проводимой ими работы.

Количество и совокупное влияние «мозговых центров» постоянно увеличивается и расширяется. И хотя они относятся лишь к одним из многих участников гражданского общества, именно «мозговые центры» подчас являются катализатором политических и экономических реформ. Также они могут служить ключевым индикатором состояния общества в конкретной стране: если аналитики и исследователи, работающие на «мозговой центр», имеют возможность действовать свободно, то той же свободой обладают и остальные.

Недостаточно сформировавшееся гражданское общество, где еще нет устоявшихся институтов, не создает запроса на появление полноценных независимых неправительственных исследовательских организаций, которые способствовали бы постановке перед властью наиболее актуальных общественных проблем и поиску взаимоприемлемых решений. В таком случае даже при формальном появлении и развитии структур, позиционирующих себя в качестве «мозговых центров», их реальные функции, как правило, сводятся к интеллектуальному сопровождению и обоснованию интересов властных элит. Отражением данного процесса стало появление так называемых «фантомных» неправительственных «мозговых центров», на практике работающих в интересах госструктур. В английском языке для их обозначения появилась специальная аббревиатура GONGOs – Government Organized Nongovernmental Organizations (созданные правительством неправительственные организации) [2].

Появление правительственных «мозговых центров», заявляющих о своей независимости, которые нацелены на имитацию публичной дискуссии в интересах государства, обеспечивает достаточный уровень конформизма в обществе. Это

еще одно свидетельство важности «мозговых центров» в легитимации государственной политики и той активной роли, которую они играют в рамках публичного политического дискурса.

Литература

1. James McGann Explains: What is a Think Tank? URL: http://www.kcet.org/socal/voices/think-tank-la/interview-with-james-mcgann----what-is-a-think-tank.html
2. The Think Tanks and Civil Societies Program 2008. The Global «Go-To Think Tanks». The Leading Public Policy Research Organizations in the World. Final United Nations University Edition, January 19, 2009.
3. *Беляева Н.Ю., Зайцев Д.Г.* «Мозговые центры» в России и странах Запада: сравнительный анализ. URL: http://www.finanal.ru/001/mozgovye-tsentry-v-rossii-i-stranakh-zapada-sravnitelnyi-analiz-1
4. Interview with James McGann – International Think Tanks. URL: http://www.kcet.org/socal/voices/think-tank-la/interview-with-james-mcgann----international-think-tanks.html
5. *Ковалишин Е.А.* «Think tanks: что это такое?» // Экономика и финансы: публикации. URL: http://www.finansy.ru/publ/pmix001.htm
6. *Виноградова Т.И.* Фабрики мысли (think tanks) в США: особенности развития и роль в публичной политике // Фабрики мысли и Центры публичной политики. Международный и первый российский опыт / Под ред. А.Ю. Сунгурова. Спб: Норма, 2002.
7. *Костылев Е.В.* Зарубежные и отечественные «мозговые центры» // Российская гуманитарная наука: генезис и состояние. Вып. 2. 2007. С. 234-332.

Игорь ДОБАЕВ

Воздействие внешнего фактора на институционализацию террористических группировок

Основные черты современного терроризма, нередко прикрывающегося исламом, заключаются в следующем: структурно он не замыкается в рамках одного региона; деятельность отдельных террористических групп при общности идеологических доктрин и целей предельно децентрализована; террористические структуры в состоянии осуществить акции с применением оружия массового уничтожения и современных технологий; террористические организации в высокой степени адаптированы к реалиям современного мира, они действуют как строго иерархически, так и с «размытым» управленческим механизмом, для них характерно наличие структур, организованных по типу «паучьей сети» и полностью независимых.

Игорь ДОБАЕВ – доктор философских наук, профессор Южного федерального университета

Отличительной чертой терроризма на данном историческом этапе является и беспрецедентное включение исламистского компонента, особенно в идеологические конструкты многочисленных террористических структур, а также то, что, если традиционный терроризм не затрагивал основ жизнедеятельности общества, то современный высокотехнологичный терроризм способен продуцировать системный кризис в любом государстве с высокоразвитой информационной инфраструктурой.

По утверждению Марка Сейджмана, сложившийся в современном мире глобальный джихад не является конкретной организацией, он выступает общественным движением, состоящим из ряда более или менее формализованных организаций, связанных определенными алгоритмами взаимодействия. При этом участники глобального джихада – не атомизированные индивиды, а акторы, связанные друг с другом через сложную паутину прямых или опосредованных обменов [1, с. 145].

История последнего столетия свидетельствует, что деятельность организаций религиозно-экстремистского толка нередко зависит от отношения к ним правящих режимов. В условиях разноплановового прессинга и силового давления они, как правило, уходят в подполье, организуясь в децентрализованные сетевые структуры. При благожелательном отношении к ним властей, привлечении их к парламентской и экономической деятельности, они, наоборот, нередко достаточно уверенно интегрируются в политические системы своих стран. Это можно полностью отнести, например, к египетским «Братьям-мусульманам» (БМ) – первой организации такой направленности, основанной шейхом Хасаном аль-Банной в декабре 1928 г.